

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Славка Чудов бросил пить в канун ноябрьского праздника: кончились деньги, кончился хлеб, кончилось сало.

«Хватит, – сказал он сам себе, поднимаясь с постели после бессонной ночи изрядно проголодавшимся. – Хватит, мне уже за сорок, а живу, как собака: жена ушла, сын, отслужив армию, знать меня не хочет. Надо за ум браться. Пора...»

В предпраздничный день он решил провести генеральную уборку в своей однокомнатной квартире: вымыл полы, посуду, вытер пыль с комода и шифоньера, собрал на веник с углов комнаты и кухни паутину. Потом вышел во двор и откидал снег от ворот.

Вечером он пил крепкий чай, курил, слушал радио, читал. На другой день к обеду заявился старый приятель Петруха с бутылкой самогона.

– Ты чё, серьёзно завязать решил? – спросил он удивленно. – Да брось ерундой заниматься, всё равно ведь сорвёшься.

– Не сорвусь. На этот раз не сорвусь, – уверенно сказал Славка товарищу, чем ещё больше удивил его.

– Ну, ладно, давай по стакану в честь праздника, и завязывай. В честь праздника грех не выпить, – настаивал Петруха.

– Нет, Петя, всё – я в завязке.

– А ты знаешь, что резко бросать нельзя – может удар случиться: инфаркт или эпилепсия, – попробовал подойти с другого бока Петруха.

– Меня не ударит, и кончай

искушать. Иди лучше к Мишке, его угости.

– Ну, как знаешь, Славик, – сказал Петруха, вставая и собираясь уходить. – Я к тебе со всей душой, а ты меня гонишь. Ладно, обидел ты меня, старого своего товарища. В другой раз умолять будешь с похмелья – ста грамм не подам, понял?

– Понял, понял, – закивал головой Славка, провожая его в сенцы.

Через неделю весть о том, что Славка Чудов «завязал» с выпивкой, разнеслась по всему селу. На работе, на улице, в магазине его кто одобрительно, а кто сочувственно похлопывали по плечу и спрашивали: «Серьёзно завязал?»

– Серьёзно, – отвечал он и спешил удалиться.

В начале декабря, получив зарплату, Славка был искушаем лукавым. В магазине, покупая хлеб, чай и сахар, он увидел баночки с импортным пивом, и так вдруг захотелось...

«С пива всё и начинается», – подумал он, борясь с искушением, и купил бутылочку «пепси-колы».

Дома он развернул краевую «Неделю» и в одной из колонок объявлений прочел: «Реальное избавление от алкогольной зависимости». Объявление его заинтересовало, и он записал адрес и номер телефона лечебницы.

На другой день, отпросившись у начальника, он поехал в город, отыскал лечебницу и закодировался там от употребления спиртного сроком на год.

Дальнейшая Славкина жизнь начала быстро меняться, у него

теперь всегда водились деньги, все его бывшие дружки, усвоив, что от Славки ловить теперь больше нечего, постепенно от него отошли. На работе начальство стало относиться к Вячеславу с уважением, а сам же он стал несколько замкнут и полюбил одиночество. К весне, очевидно вспомнив, что закончил в своё время сельскохозяйственный техникум и одно время работал агрономом, Слава стал выращивать на подоконниках помидорную рассаду. Ну а когда наступило время посадки овощей и картофеля, все вечера и выходные пропадал в огороде: соорудил две теплицы, высадил рассаду, посадил на пяти сотках картошку, значительно расширив свой земельный участок. Соседи, семидесятипятилетние старики, привыкшие видеть Славку через день, да каждый день пьяным, а огород его наполовину заросшим бурьяном, с удивлением смотрели на него из-за невысокого заборчика, разделяющего их подворье от Славкиного, и каждое утро в один голос здоровались.

– Здравствуйте, – отвечал им Славка и шёл по своим делам.

В начале лета, когда в огороде зазеленели всходы и полезла вверх картофельная ботва, дел с поливкой и обработкой посевов прибавилось. Вечерами Славка до самого наступления темноты пропадал в огороде, а потом шел в избу, пил крепкий чай, читал газеты или слушал радио. Спал он мало – всё больше думал о жизни своей, пытался строить планы на будущее. Однажды вечером, в дождливую погоду, Славка, вернувшись с работы, как всегда заварил себе крепкого чая и, попивая его небольшими глотками, стал по привычке просматривать краевые

газеты. Он любил читать колонки новостей и криминальную хронику. С иронией почитывал письма читателей, как правило, жалующихся на свою жизнь или дающих советы, что нужно делать краевой администрации или правительству страны, чтобы наступила всеобщая благодать. Последней – «на десерт» – Славка брал в руки по привычке «Неделю» и не спеша «смаковал» частные объявления граждан. Особенно потешали его так называемые брачные объявления с подзаголовками «Она ищет его», «Он ищет её». Читая объявления типа «Вдова, 63-х лет, жилищно обеспечена, дети взрослые, познакомится с мужчиной 55-65 лет, материально обеспеченным, для совместного проживания. На переезд согласна», Славка громко смеялся и комментировал прочитанное вслух: «А у бабки губа не дура – свою квартиру детям оставит, а сама жить к тому лопуху пойдет, который отзовется».

Такое же объявление, как «Молодая женщина, 28 лет, замужем не была, детей нет, познакомится с молодым человеком 35 лет для создания семьи. Злоупотребляющих алкогольными напитками и побывавших в местах лишения свободы – просьба не беспокоиться», вызывало в нём ироничное возмущение: «Замужем не была, детей нет, а почему тогда ты женщина, а не девушка, спрашивается? «Злоупотребляющих алкоголем просьба не беспокоиться». Смотрите, какая цаца! Ты лучше напиши, как свою невинность потеряла. Наверняка пьяной была, когда это случилось».

Вот и в этот раз, раскрыв «Неделю», Славка первым делом отыскал ту страничку, где были напечатаны объявления о знакомствах

и прочел первое из них: «Женщина 30 лет, разведённая, имеет сына 10 лет, познакомится с женщиной 35-45 лет, желательно непьющим, для создания семьи». Ниже были напечатаны имя, фамилия и домашний адрес. Объявление с полным, что называется, реквизитом Славка видел впервые, и оно его заинтересовало.

«А что, – подумал Славка, – человек я сейчас непьющий, хозяйственный, почему бы и не попробовать, не сделать попытку к созданию семьи? Правда, от детей я отвык, но как отвык, так и привыкнуть можно. Тем более что это мальчик – с ним и на рыбалку ходить можно, и по орехи». Не откладывая задумку в «долгий ящик», Славка тут же написал письмо незнакомке по имени Людмила, в котором он описал всю свою жизнь. Письмо получилось большое – на шести тетрадных листках, и конверт, в который он вложил его, выглядел раздутым. Утром следующего дня он встал пораньше и поспешил на почту, дабы успеть бросить письмо в почтовый ящик до первой выемки. Если верить адресу, Людмила жила не так далеко от Славки – до железнодорожной станции час езды, затем поездом шесть часов, потом ещё до её деревни часа два – за двое суток письмо доставят. Двое суток туда, двое обратно, да на раздумье ей да на ответ пару деньков – через недельку надо ждать ответа – так думал Славка. В том, что Людмила ему обязательно ответит, он не сомневался. Даже если ей сто писем пришлют, всё равно одним из первых она даст ответ на его послание.

Неделя прошла в мечтах, ожиданиях и огородных трудах. В среду, в обед, вынимая из почто-

вого ящика газеты и не обнаружив письма, Славка пригорюнился.

«Неужели ей так много писем прислали? – покачал он головой. – А может, ей кто-то другой приглянулся? И-эх! – нужно было фотографию послать, пусть бы визуально оценила, да и у неё не мешало бы фото попросить – глянуть сначала, а то вдруг уродина, какая...»

Не обнаружил Слава письма в ящике и в следующие два дня. Ну а в субботу...

В субботу он с самого утра, как обычно, возился в огороде. Картошка в этом году росла быстро и ботва кое-где уже достигала двадцати и более сантиметров, однако и сорняки высились вокруг обильно. В былые годы, когда Славка почти не следил за своим огородом, травкам было здесь вольготно и привольно, и, видимо, по привычке они считали себя здесь истинными хозяевами и не хотели мириться с какой-то там картошкой. А с сорняками не хотел теперь мириться хозяин огорода. И в это прекрасное солнечное утро, раздевшись по пояс и взяв в руки тяпку, он пошёл на них в наступление. Время приближалось к полудню, когда Славка услышал, что его окликают. Звала из-за заборчика старуха-соседка.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуйте, – чуть раздражённо ответил Славка, подойдя к забору, не имея никакого желания общаться с ней – слишком ещё свежи были воспоминания о том, как эта самая баба Дуня, совсем недавно, на каждом углу разносила о нём разные небылицы и, встретив его отца, рассказывала, с кем Славка пил и ночевал ли он дома или нет. Она его и поссорила с отцом, и отношения эти до сих

пор ещё не были, как следует урегулированы.

– Я сегодня с утра в центр ходила... К автостанции, в магазин... Ну, сахару взяла, хлеба, – быстро, словно боясь, что Славка не станет слушать и уйдет, заговорила бабка Евдокия, – а тут как раз автобус со станции подошёл, оттуда вышла незнакомая женщина с ребенком и спрашивает у шофёра, где, мол, Вячеслав Семенович Чудов живёт? А шофёр-то, не наш – стационарный, плечами пожимает. А тут как раз я разговор этот услышала, сначала было хотела проводить её, но потом, думаю, нет, лучше я ей объясню, как к тебе пройти, а сама пойду короткой дорогой, предупрежу: вдруг ты не готов гостей встречать. И действительно, вижу – не готов.

– А где она сейчас? – спросил Славка.

– В магазин было зашла, ну а сейчас, видно, сюда направляется, так что готовься гостью встречать.

И бабка Евдокия с интересом посмотрела на Славку.

– Спасибо, – сказал он ей и, отложив тятку в сторону, отправился в дом.

Во дворе он умылся водой из бочки, привязал к конуре собаку. Дома надел чистую рубашку, включил электроплитку, поставил чайник, глянул на себя в зеркало, отметив, что сегодня он, как нарочно, не побрился.

«Вот это дела! – думал он про себя. – Я жду от нее письма, а она сама решила заявиться – сразу разрешить все вопросы. Молодец! А что тут тянуть? Всё правильно. Я уже не мальчик, она не гимназистка...»

Едва успел он подумать об этом, как увидел в окно свою «заочницу»: в синем в цветочек

платьице, косынка, белая в горошек, повязана на шее, в одной руке коричневый плащ, в другой – средней величины хозяйственная сумка, за которую держался мальчик, одетый в простенький серый костюмчик и белую шапочку с козырьком.

«А издалека она ничего сморщится», – отметил про себя Славка, и сердце его учащённо забилося. Он хотел было выбежать, выскочить навстречу, но сдержался и выждал, пока Людмила подойдет к воротам и постучит в дверь, а в ответ на стук залает собака. Когда это произошло, он, выйдя на крыльцо, вначале деловито прикрикнул на собаку, а уж затем пошёл встречать гостей.

На вид она ему показалась простой – зачесанные назад светлые волосы, схваченные сзади в пучок резинкой, едва заметные веснушки на щеках.

«Спина, небось, тоже в веснушках», – подумал Славка.

– Это вы Вячеслав Семенович? – спросила она тоненьким голосом.

– Он самый. А вы Людмила Григорьевна, как я понял?

– Правильно поняли. Вы, наверное, письма от меня ждали, а я вот сама решила приехать. Можно?

– Проходите уж, чего там, коли приехали... – сказал Славка, открывая дверь пошире. – Собаку не бойтесь, она до крыльца не достанет, да и не кусается она вовсе.

Гостью он посадил в кухне на стул возле стола, мальчика – на оставшийся от покойной матери сундук, стоящий у противоположной от окна стены.

Мальчик по имени Лёша был живой, подвижный, с бегающими черными глазками-угольками, с красными щеками и слегка приплюснутым носиком. «Дебил, что

ли?» – подумал Славка, угощая его леденцами, которые по случаю достал из «долгого ящика» – буфета, где хранились у него продукты про запас.

– Ну, пока чай греется, расскажите про себя, – попросил Славка гостью. – Сам-то я про себя всё вам написал.

– Рассказывать, собственно, нечего, – ответила Людмила, вздохнув. – Жила у матери, отец умер рано, братьев-сестер нет. Вышла замуж за приезжего. Прожили два года, а потом он куда-то пропал. Ждала его ещё два года, а потом письмо получила с просьбой дать ему развод и не требовать пока алиментов. Развод я ему дала, алиментов не потребовала, и вот уже пять лет как от него ни слуху, ни духу, ни денег...

– А больше замуж выйти не пробовала?

– Хотела выйти, одной тяжело, мама уже старенькая, да и ребёнку отец нужен. Но за кого? У нас в деревне одни алкаши. Вот и решила объявление в газету дать.

– Понятно, – сказал Славка. – Что ж, будем знакомиться. Ты с ночёвкой в гости или как?

Люда пожала плечами.

– Не знаю.

– Ну, ладно, до вечера времени еще много – посмотрим, а пока давай чай пить, – принял решение хозяин, доставая из буфета граненые стаканы.

Мальчик, видимо, по натуре своей будучи ребенком любопытным, постоянно приподнимался, выглядывал в окно. Славке это не очень понравилось, и он принёс из комнаты табуретку, пересадил ребенка ближе к столу.

– Это ваш огород? – спросила Людмила за чаем.

– Я же писал, что огород у меня

– вот он этот самый и есть, который из окна видишь.

Людмила, откинув и без того раскрытую занавеску, чтобы лучше был обзор, внимательным взором окинула Славкину «фазенду». Приподнялся с табуретки и мальчик. Славку эта подвижность стала раздражать.

– Ты что, Лёшенька, на иголке, что ли, сидишь? Или тебя вошки кусают? – спросил он юного гостя.

– Сядь и не крутись! – одернула сына Людмила.

Мальчик послушно сел на табурет и замер.

– Ну, ладно, – сказал Славка, когда они закончили чаепитие. – Чаю попили, теперь пора за работу братья. В огороде, небось, полоть-окучивать приходилось?

– В деревне родилась, – улыбнулась Людмила.

– Тогда вот что: у меня там трико есть, футболка, кроссовки – переодевайся, и пойдём на огород.

– А Лёшка чё делать будет? – спросила гостя у хозяина.

– Будет траву срубленную собирать и за ограду выбрасывать.

Славка вышел на огород первым, минут через пятнадцать подошли Людмила с Лёшкой. Славка, осмотрев гостью в новом одеянии – в облегающем тело трико, нашел её очень даже ничего.

«При всём бабёнка, – отметил он. – А в платье худенькой кажется».

Он определил Людмиле три рядка, вручил ей тяпку. Лёшке наказал по картошке не ходить, а собирать за мамой срубленную траву и, как было сказано раньше, выбрасывать ее за ограду. Он показал куда именно. Работа закипела.

Славка с Людмилой махали тяпками, а Лёша собирал траву. Славка был доволен и подумывал,

что так они к вечеру всю прополку и завершат. Однако через некоторое время он заметил, что Людмила нечаянно срубила картофельную ботву и боязливо глянула в его сторону. Он быстро отвел взгляд, но боковым зрением увидел, что гостя его воткнула срубленную ботву на место и присыпала вокруг землей.

Они продолжали прополку, но, очевидно, происшедшее уже как-то вывело Людмилу из равновесия, и через несколько минут она опять рубанула по ботве и снова присыпала, воткнув её на место. Славка и на этот раз заметил, но снова ничего не сказал. Когда же Люда ошиблась и в третий раз, он не сдержался:

– Слушай, если мы с тобой в одну прополку половину картошки порубим, а в следующий раз остальную, то что зимой есть будем? – спросил он сердито.

– Да что-то я сегодня не могу, тяпка из рук валится, – сказала Люда смущенно. – Видно, устала с дороги.

– Ну, коль устала – иди в дом, – там в буфете найдёшь банку тушёнки, вермишель, из подполья достань картошки, протопи печь, я её раз в неделю обязательно протапливаю, чтобы сажа в дымоходе не прессовалась, свари супчика, поедим. Заодно посмотрю, какая ты на кухне хозяйка.

Люда кивнула, отставила тяпку, окликнула перемазавшего в земле не только руки и брюки, но и лицо сына и направилась в избу.

А Славка продолжил прополку, изредка поглядывая на трубу дома. И вот из неё, наконец, пошёл, потянулся к небу сизый дымок.

«Ну, поешь-то как-нибудь сварит, – подумал Славка, – на это, наверно, тямы хватит».

Он ещё несколько минут продолжал прополку, но вдруг какое-то тревожное предчувствие оставило его. Он вспомнил, что за комодом лежат свернутые в трубочку несколько свитков его ещё студенческих записей по агрономии с рекомендациями: как и когда, в какое время лучше высаживать ту или иную огородную культуру, как за ней ухаживать и чем лучше удобрять.

«А что, если она вздумала растопить печку этими свёртками», – мелькнула у него мысль.

И сейчас же, отложив тяпку в сторону, он поспешил домой, а войдя, оторопел...

Люда бросала в печь очередной свёрток, еще два лежали у самой печки, на поленьях.

– Кто?!.. Кто?!.. Кто тебе разрешил жечь эти записи? – заикаясь, спросил Славка. Ярость наполняла его до краёв.

– А я подумала, что эти старые бумаги вам не нужны, – часто мигая веками, оправдывалась Люда. – Я хотела было газетами растопить, но подумала, что вы их еще читать будете... А эти бумаги уже жёлтые, мухами засижены... Да и горят хорошо...

Славка, стараясь быть спокойным, прошёл в комнату, приподнял скатерку стола, под которой «россыпью» хранил деньги, взял две десятки и, вернувшись на кухню, протянул Людмиле.

– Я хоть не богат, – сказал он, сдерживая гнев, – но сволочью быть не хочу! На, возьми эти деньги. В четыре часа автобус пойдёт на железнодорожную станцию. Ещё успеете.

– Не надо, – отказалась Люда. – У нас деньги есть.

Глаза её становились влажными.

– Только без слёз, – сказал Славка, – терпеть не могу бабьих слёз, да и никого здесь не хоронят.

– Можно я пройду в комнату, переоденусь?

– Пройди.

Пока она собиралась, он сидел и молча курил на кухне у окна.

Не проронил ни слова и когда она, собравшись, уже на пороге сказала ему: «До свидания», лишь слегка кивнул ей.

...Славка провожал её взглядом из окна комнаты. Она шла, держа в одной руке сумку и плащ, а другой вела за руку сына.

На пригорке она остановилась, провела ладонью несколько раз по Лешкиным брюкам, очевидно, сбивая с них пыль, поправила на голове ребенка кепочку и, оглянувшись, посмотрела на Славкин

дом. Славка отпрянул от окна.

Когда гости совсем скрылись из виду, Славка вернулся на кухню и взял ещё одну сигарету. Руки его тряслись, и он, чиркая о коробку, сломал сначала одну спичку, а потом вторую. Когда не зажглась и третья, Славка швырнул со всего размаха коробок в угол кухни, смял сигарету и бросил её в чашку с недочищенной гостью картошкой, стоявшую на краю плиты.

– Вам, возвращая ваш портрет, Я о любви вас не молю.

В моей душе покоя нет, –

Я вас, как Брежнева, люблю!.. – пропел он неожиданно для самого себя, сделал три прихлопа ладонями по груди, два притопа ногами о пол и, тяжело плюхнувшись на табурет, обхватил голову руками.

УЧИТЕЛЬНИЦА НЕМЕЦКОГО

* * *

– А вы от какой газеты корреспондент будете? – задаёт она, улыбаясь, вопрос, когда директор, познакомив их, оставляет одних в опустевшем классе.

– От районной, – говорит он, хотя уже предчувствует, что тема, которой он коснется, вполне может заинтересовать и краевые газеты. Зовут ее Светлана Анатольевна, два года назад она закончила факультет иностранных языков педагогического института и приехала в эту сельскую школу преподавать немецкий.

Казалось, что в этом особенно-го, сотни, а то и тысячи выпускниц вузов ежегодно приезжают в сельские и городские школы и работают преподавателями английского, немецкого, французского, а то и

испанского языков. У одних это получается здорово, у других – не совсем, но тем не менее...

Но тем не менее особенное в данном случае есть. Дело в том, что в этом поселке почти сплошь живут немцы. Те, кого в сорок первом выслали сюда из Поволжья, их дети и внуки. Более сорока лет иностранный язык – естественно немецкий – в местной школе вели учителя-немки, а вот теперь русская учит ребятишек-немцев их родному языку. Впрочем, относительно родного языка вопрос, как оказывается, спорный, в некоторых, казалось бы, «чисто немецких» молодых семьях по-немецки не говорят, потому как язык знают плохо или не знают совсем, тем не менее...

Тем не менее она преподаёт немецкий язык ребятишкам, носящим немецкие фамилии, имея фамилию русскую – Макарова.

Она небольшого роста, жива, подвижна, симпатична: карие глаза, слегка поддернутый носик, тонкие губки, толстая длинная пшеничная коса, повязанная на конце голубеньким бантиком, переброшенная через плечо, лежит на её белой кофточке, касаясь груди.

– Да вы проходите, садитесь, не стесняйтесь, товарищ корреспон-

дент, мы не кусаемся, – приглашает она уже сидя за учительским столом. – К нам корреспонденты не каждый день приезжают. При мне, например, вообще впервые, так что на все вопросы отвечу. А вы давно в газете работаете?

– В вашем районе недавно, а вообще одиннадцатый год уже – говорит он, садясь за первый стол напротив неё, как ученик перед учительницей, и достает из кожаной, черной сумки диктофон, блокнот, авторучку.

* * *

Перед командировкой в этот поселок, когда он сказал, что кроме всего прочего: леспромхоза, сельской администрации, хочет зайти и в школу, ответственный секретарь редакции, ещё молодая веселая женщина, отреагировала своеобразно.

– Вот там-то тебя и женят, – сказала, смеясь, она, – Светлана Анатольевна там есть. Женщина неотразимая, в меру скромная, в меру разговорчивая – как раз в твоём вкусе, и волосы у неё длинные, как ты любишь, – до пояса... Так что, держись или, наоборот, – в плен сдавайся!

Он заинтересовался и, подыгрывая ответсекретарше, улыбнулся.

– Скажи, что она ещё девушка невинная.

– Вот с этим небольшие сложности есть, – сделала лицо серьезным ответсекретарь. – Она ещё студенткой познакомилась с одним аферистом. Он «химию» отбивал. Но красивый, гад, был и обольстил её. Увлеклась она, девочку родила, а он, сволочь, срок отбыл и смылся – ни ответа, ни привета.

Три года одна дочку растит,

но молодец – ничего не скажешь, интереса к жизни не потеряла, по-прежнему веселая и открытая.

Сказать о том, что по дороге в посёлок он только и думал о том, как бы поскорее глянуть и оценить очередную потенциальную невесту, было бы неверно. Был он корреспондентом, по жизни не раз битым, не один раз менял местожительство, а заодно и редакции, не один раз его пытались оженить и заземлить, но всё как-то не получалось. Когда дело доходило до серьезных отношений с женщинами и нужно было решать: оставаться и узаконить отношения или расставаться, почему-то получалось второе.

То в «деле» возникал бывший муж, то недовольство высказывали родители невесты, то, как было один раз, перед тем, как идти в ЗАГС, он потерял паспорт.

«Не судьба значит», – успокаивал он сам себя, будучи твёрдо уверенным, что рано или поздно, она, судьба его, на жизненном горизонте появится и не узнать её, а тем более пройти мимо или обойти её, будет невозможно. Однако годы шли, а она никак не появлялась.

Годы шли, а она никак не появлялась. И не веря в то, что она может появиться здесь, в этом посёлке, он, приехав в командировку, первым делом зашел в администрацию, отметил командировочные, проинтервьюировал сельского главу, затем побывал на пекарне, в конторе ОРСа леспромпхоза, выехал на место лесозаготовки и складирования леса и только уж тогда, когда «материала» нагрёб, что называется под завязку, заглянул в местную школу.

Директор школы, седой пенсионер, сорок лет отдавший народному образованию, оказался весьма и весьма разговорчивым и человеком радушным – организовал для корреспондента и водителя обед, подробно рассказал о школьных делах и во время беседы неожиданно спросил:

– А ты женатый?

– Нет, – ответил он, слегка смутившись от внезапного вопроса. – Был одно время, но не получилось...

– Ничего. Молодой ещё, получится. У нас тут дивчина одна работает, немецкий преподает. Тоже у ней не всё в жизни гладко получается. Я вот смотрю на тебя, и знаешь, какая мысль мне в голову приходит: мне, кажется, вы друг для друга подходите. Сейчас я тебя с ней познакомлю, материал о ней напишешь, ну и оценишь заодно.

Сказанное директором ещё больше подогревало его интерес к незнакомой пока женщине, и он не без волнения переступил порог кабинета, где она преподавала иностранный. Но волнение это исчезло, как только он увидел её.

– Светлана Анатольевна: я

понимаю, многие девчонки в школьном возрасте мечтают стать учителями, такими, как их первая учительница. Но почему именно иностранный, немецкий? – задаёт он ей первый вопрос и включает диктофон.

– А можно без этой штуки? – улыбаясь, кивает она на записывающее устройство.

– Можно, конечно, но, откровенно говоря, я писать авторучкой уже отвык, и потом, диктофон запишет всё более подробно с интонациями и паузами, а это поможет написать более объективный материал, – объясняет он.

– А послушать потом дадите? – спрашивает она. – Ужасно хочется себя послушать!

– Обязательно.

– Ну и договорились.

«Ну и договорились» – она произносит так, как будто знакома с ним, по меньшей мере, года три.

– Договорились, – говорит и он ей, как старой знакомой. – Ну а теперь ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

– А вы задали вопрос? Совсем забыла, – говорит она лукаво, и карие глазки ее наполняются блеском. – Извините, пожалуйста. Итак, почему иностранный и почему именно немецкий? Всё так, как и сказали: была без ума от первой учительницы. Она вообще-то закончила иняз, но учителей иностранного в школе в то время хватало, и ей дали начальные классы. Вернее наш первый класс. Знаете, как это бывает в сельских школах, где учитель физкультуры запросто может преподавать биологию и химию, а преподаватель математики вести уроки черчения и рисования. Вот и учила она нас три года,

а потом и по своему предмету работать стала, так что все десять лет и была у нас классным руководителем.

Она снова улыбается озорно и весело.

– Правда, ничего интересного? А вы какой предмет в школе любите?

– Историю, хотел археологом стать...

– Ой, а это как раз, наоборот, интересно, а почему не стали?

– Газета не дала. Всего к себе забрала, для археологии места не осталось...

– А я читала ваши стихи в газете. Мне понравилось... Прочтите что-нибудь, так хочется услышать в авторском исполнении...

– Да что там стихи – баловство, – говорит он, смутившись.

– Ну, прочтите, пожалуйста. Хоть парочку самых любимых ваших стихотворений, – просит она снова и, поставив локти на стол, сложив ладони и подперев ими подбородок, приготавливается слушать.

Он, выключив диктофон, начинает ей читать: одно стихотворение, второе, третье. Она слушает, притихнув, почти не дыша, и когда он останавливается, кратко говорит:

– Ещё...

И он читает ещё и ещё. В дверь заглядывает водитель редакционной «Нивы» и нетерпеливо спрашивает:

– Куда ещё поедем?

– Домой скоро поедем, – говорит он.

– Ко мне сейчас поедем, – произносит она, вставая из-за стола. – Не могу я поэта голодным отпустить. Никогда себе потом этого не прощу. В кой-то век заглянул к нам стихотворец, а я его в гости не

пригласила, автограф не взяла.

– Понятно, – шофёр многозначительно кивает головой и, закрыв дверь, уходит. В коридоре уже опустевшей школы слышна его тяжелая удаляющаяся поступь.

Он, несколько оторопевший от её неожиданного и необычного приглашения, торопливо задав ей несколько вопросов «под диктофон», фотографирует «Кодаком» за столом с учебником немецкого.

– Фотографию чтоб обязательно мне привез и подарил, – говорит она, вновь улыбаясь, и он, несколько смутившись ее резким переходом с «Вы» на «Ты», не сразу находит нужную точку, откуда лучше сделать снимок.

– Ну, хватит, – говорит она, когда он делает пару кадров. – Лучше Верочку мою сфотографируй или нас вместе с ней, хорошо?

– Хорошо, – соглашается он, отмечая про себя, как с ней легко и просто. Она накидывает на ходу на себя кожаную куртку, берет в руки сумку, складывает туда тетради.

– Ну что, пошли, поэт, – говорит она, выходя в коридор, и он послушно выходит.

Он послушно выходит следом, и она закрывает дверь кабинета ключом.

– Сейчас заедем в детский сад, заберём дочку и ко мне, – это она произносит уже на ходу, когда они идут по длинному школьному коридору.

У самого школьного порога техничка заканчивает мытьё полов, отжимает тряпку.

– Смотри, Анатольевна, заберёт тебя с собой корреспондент, – бросает реплику она. – Уж очень хорошо вы вместе смотрите, так друг к другу и подходите. Ой, смотри, увезёт, как без тебя ребяташки-то наши будут?

– А зачем ему меня увозить? – реагирует на это она. – Он сам к нам, если надо, приедет. Места у нас красивые, поэтичные. Ведь правда, товарищ корреспондент?

Она подмигивает ему и громко смеётся.

– Конечно, я хоть завтра бы переехал, – включается в игру-разговор он. – Места у вас действительно красивые: река, грибы, орехи...

– Вот хорошо бы было, а, – говорит нараспев техничка. – Дай Бог счастья тебе, Светочка.

Она садится рядом с водителем и показывает дорогу. Они едут до детского садика.

– Я быстро, – говорит она, выходя из машины, и бегом направляется к калитке детского сада.

– Шустрая! – покачивая головой, восхищается шофёр. –

* * *

Потом они едут в конец посёлка, где стоят не так давно выстроенные двухквартирные брусовые дома.

Аккуратный дворик: сарай, банька, сложенная в два ряда поленница дров.

– А кто дрова тебе колот? – спрашивает её водитель, осматривая двор. – Нанимаешь кого?

– Сама колю-рублю, – улыбается она, – директор у нас молодец – заботится, чтобы учителя не замерзли, каждую осень нам по десять кубов подвозят. Вот в октябре снова привезут. Ну, а во двор перенести и переколоть – это уже я сама. Родилась и выросла в городе, а тут всему научилась: и дрова колоть, и веники для бани заготавливать, и за курами ухаживать.

Они проходят на веранду, а затем в квартиру, состоящую из двух комнат, просторной при-

По-моему, ты ей понравился. А вы чем-то даже похожи друг на друга.

– Ты не первый, кто мне это говорит сегодня.

– Ну, значит, я прав. Смотри, не теряйся – бабёнка она, по всему видно, хорошая.

– Так что: ты предлагаешь мне жениться?

– Ну и женись. Хватит по свету без угла мыкаться. Такой случай и такая встреча один раз в жизни бывают. Тем более, я вижу, она к тебе в душу запала.

Она возвратилась скоро, минут через пять с дочкой – маленькой копией своей мамы. Такие же карие глазки, такой же поддёрнутый кверху носик и даже такая же пшеничная коса, выходящая из-под голубой косыночки и заканчивающаяся голубым бантиком.

хожей и кухни. Она приглашает гостей в зал, усаживает на диван. Включает телевизор, потом ставит перед ними журнальный столик, приносит варенье, шаньги, наливает через некоторое время горячего чая.

– Может, вам пельмени сварить? – спрашивает затем деловито уже подвязанная фартуком и в косынке. – Что для мужиков чай, еда разве?

– Нет, нет! Спасибо! – в один голос отказываются гости. – Нас директор ваш сегодня супом кормил.

– Ну, как знаете...

В косынке и фартуке, слегка раскрасневшаяся, с закинутой за спину косой, она выглядит ещё привлекательнее.

Они пьют чай, кушают шаньги, рассматривая аккуратную, уютную квартирку. Затем он

фотографирует её с дочкой на фоне фотообоев – берёзовой рощи.

– Знаете, а мой любимый поэт – Николай Рубцов, – говорит она потом, доставая с полки небольшой томик стихов.

– Как ни странно, мой тоже, – теперь улыбается он и произносит:

Светлеет грусть, когда цветут цветы,

Когда брожу я многоцветным лугом,

Один или с хорошим давним другом,

Который сам не терпит суеты.

– Однако пора ехать, – говорит шофер, вставая и направляясь к выходу. Он поднимается следом. Она, накинув на плечи куртку, провожает их до машины, на крыльце сует ему в руки полиэтиленовый пакет, в котором шаньги.

– Отказываться нельзя, потому как это от всего сердца, – опережает она его реакцию на это, – сама стряпала и пекла, попьёте дома с чаем. Небось, на квартире живёшь?

Он кивает головой и прячет шаньги в сумку.

– Счастливого пути, – говорит она ему у машины и пожимает на прощанье его руку. – Как фотографии сделаешь, так сразу позвони мне. Из райцентра легче дозвониться, чем от нас.

– Обязательно позвоню.

– Ну а когда статью в газете читать?

– Примерно через неделю, – говорит он и только тут замечает, что держит её руку в своей.

– Ну, счастливо, звони.

– Счастливо оставаться.

Он садится в машину и смотрит назад, она машет вслед рукой, другой поддерживает на плече куртку. Машина всё дальше и дальше удаляется от неё, и вот, повернув, они теряют её из виду.

Повернув, они теряют её из виду. Стоит тёплый сентябрьский вечер, воздух, кажется, не колыхается. Листва деревьев словно вылита из золота и меди – красотища!

– Ну, чё, всё-таки втюрился? – говорит ему шофёр. – Теперь покой и сон потеряешь. Я тебе говорю, решайся, лучше её навряд ли найдёшь. Это судьба, поверь мне.

«Неужели судьба?» – думает он, глядя на дорогу.

Думает он, глядя на дорогу о многом. А когда приезжает домой, то квартирная хозяйка, семидесятидвухлетняя старушка, сразу замечает в нём перемену.

– Ты какой-то не такой сегодня, – говорит она ему. – Светишься весь.

Уж не влюбился ли?

Он молчит и улыбается.

«Неужели действительно влюбился?» – спрашивает он себя, укладываясь в постель и предчувствуя перемены в жизни.

* * *

Он долго ворочается с боку на бок, не может уснуть, вспоминает слова шофёра: про покой и сон. Засыпает уже около четырех часов утра, а засыпая, успевает подумать о том, что шофёр наверняка расскажет на работе о том, как он

читал стихи учительнице немецкого и как они были у неё в гостях, и о том, что ответов на ироничные вопросы женской половины редакции, и особенно ответ секретарши, ему сегодня не избежать...